

ИСКУССТВО ЖИТЬ СТРАСТЯМИ

НАВЕРНОЕ, быть лауреатом такого конкурса, как конкурс Дж. Энску, да еще занять второе место весьма почетно. Но не только звонкий титул лауреата привлекал внимание любителей музыки к солисту Малого театра оперы и балета Константину Плужникову. Трудно объяснить это только внешним обаянием и неплохими вокальными данными. Сейчас этим мало кого удивишь. Не предлагает солист и бесспорных трактовок. Более того, иногда приходишь к мысли, что тебя почему-то раздражает, не убеждает та трактовка образа, которая намечена певцом в спектакле. Ведь вот, кажется, всего несколько дней назад слушал его в той же роли, и все было более чем превосходно и убедительно. А сегодня — все не так, все совсем по-иному. Плохое настроение у солиста, не собран, не в ударе, как говорят? Может быть. Но дело, видимо, главным образом не в этом. Какие-то грани, штрихи образа, которые наметились у солиста в том «неудачном» спектакле, он продолжает оттаивать и даже развивать в последующих. Здесь уже целая творческая концепция.

Партия Рудольфа в опере «Богема» Пуччини — одна из показательных. Что привлекает в Рудольфе Плужникова? Прежде всего кипучее, неуемное жизненное влечение, вызов унылому, мешанскому существованию, раз и навсегда заданному регламенту. Не унывать, быть всегда в хорошем расположении духа, даже когда нет ни гроша в кармане, даже когда свищет ветер в пролетах старенького жилета, — вот первая заповедь Рудольфа — Плужникова. Эта пылкая мечтательность, бесшабашность — не от легкомыслия, а от обостренного восприятия жизни, умения подниматься над ее жестокостями и нелепостями. Потому-то уже в самой первой фразе, пропетой Плужниковым, — такая

неподдельная поэзия, такое искреннее удивление миром и людьми. Они воспринимаются как эпиграф, как программа к будущему образу.

Разнообразные эмоциональные оттенки солист находит в самой музыке Пуччини, в глубины которой он погружается с таким увлечением и призывает к тому же слушателей. Музыке, вокалу певец отдает главное предпочтение — видимо, в этом секрет и такой подчеркнуто яркой фразировки партии, и такой гибкости в использовании тембров, и такого гармоничного слияния с оркестром.

Вместе с тем партия Рудольфа у Константина Плужникова менее всего похожа на закругленный концертный номер. Сценическому движению, действию он придает большое значение. И в сцене с домовладельцем Бенуа, которого дурачат Рудольф и его товарищи, и в пространном эпизоде с показом веселящегося Парижа артист умеет находиться в фокусе внимания, его всегда видно. Подобное сценическое «поведение» кажется оправданным, потому что Рудольф у Пуччини — одна из центральных фигур.

У Плужникова фактически нет

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

законченных, завершенных ролей, когда поставлены все точки над «и». Послушайте его дважды в партии Рудольфа и поймете, что они разнятся друг от друга.

Плужников не боится крайностей, причем таких, которые иногда — за пределами художественно допустимого, потому что идут вразрез с драматургией других образов, со всей режиссерской концепцией спектакля. И здесь хочется не согласиться, поспорить с солистом — ведь поиски не самоцель, а средство к еще большей художественно убедительной правде. В том же образе Рудольфа Плужниковым найдены такие черты, которые очень интересны и убедительны. Вопрос актерской свободы и зависимости от режиссерского замысла — очень сложный и никогда не решается однозначно. Думается, что такой беспокойный человек, как Плужников, приносит любому режиссеру и дирижеру немало трудностей, потому что любит докапываться до глубин, предлагать неожиданные решения — порой и неубедительные, но на которых всегда лежит отпечаток индивидуальности.

Интересен факт утверждения Плужникова на роль главного героя в опере «Бенvenuto Челлини» Берлиоза. Были такие, которые восприняли это утверждение как парадокс. Действительно, есть чему удивляться: ультрагероическая партия в руках певца с лирическим по преимуществу голосом! Но режиссер-постановщик и музыкальный руководитель решили на этот шаг и, думается, не ошиблись в выборе. Беспокойная, мятущаяся

натура Челлини, ищущего утверждения в жизни в качестве свободного художника, преодолевающего слабости и заблуждения, воспитывающего у себя волю к жизни, представляется очень заманчивой для сценического воплощения. Этой роли совершенно противопоставлены серый бытовизм и приземленность, и именно потому партия кажется поразительным образом сродни творческим привязанностям Константина Плужникова, его тяге к яркому, необычному, импульсивному в сценическом действии. Пространные лирические монологи и неранний, напряженный речитатив, спокойная, уравновешенная пластика в эпизодах философских размышлений и угловатые, резкие жесты и движения, взрывы в моменты драматического напряжения — все это соседствует в оперном спектакле, способствует раскрытию противоречивой натуры Бенvenuto. Прерывистый, капризный, необычный ритм и в вокале, и в сценической пластике привнес в образ самой музыки Берлиоза и очень тонко понял и развил Плужниковым в спектакле.

Тот просветленный, изначально добрый взгляд на мир, который воспевают Плужников в Бенvenuto, отличается и его Ленского в опере «Евгений Онегин». Когда певец стремится найти максимальную психологическую мотивировку в поведении Ленского на балу у Лариных, а не сделать его ссору с Онегиным очередным капризом баловня судьбы, это кажется убедительным и лежит в ключе образа, созданного Чайковским. Высвеченные мягким светом, задушевные интонации на словах «В нашем доме...», отсутствие какого бы то ни было нажима в сценическом поведении очень тонко подчеркивают большую подспудную драму в душе Ленского.

Но этот образ у Плужникова претерпевает в иных спектаклях

неожиданные метаморфозы и приобретает черты, которых не найдешь ни у Пушкина, ни у Чайковского. Ленский в роли нигилиста, брюзжащего скептика потерял бы сразу все обаяние молодости, свежести, романтической окрыленности. К сожалению, таков он временами у Плужникова — и в этом повинны чрезмерная экзальтированность, вспыльчивость, нетерпимость в отношениях с окружающими, которые всячески подчеркивает солист. А ведь нервозность в характере Ленского существует и важна не сама по себе, а как проявление обостренного чувства справедливости, безраздельного стремления к нравственной гармонии. Последнее же иногда у певца ступенчатывается.

ЗНАНИЕ лауреата международного конкурса открыло перед молодым певцом двери концертных залов. Не так давно К. Плужников дал большой сольный концерт в зале Академической капеллы имени Глинки. Собравшиеся искренне порадовались появлению на филармоническом небосклоне нового самобытного дарования. Потом мы смогли вновь встретиться с певцом в Большом зале Ленинградской филармонии, где он солировал в «Колоколах» Рахманинова. Настроение упоительной, бесшабашной удачи, неистощенных сил и здоровья пронизывало каждую пропетую Плужниковым музыкальную фразу, каждую ноту.

Стендаль сказал: «Искусство живет страстями». Плужников отвергает бесстрастное искусство, не любит, чтобы подводили итоги и ставили точки над «и». Совсем недавно солист выступал по телевидению, а сейчас готовится к выступлениям на конкурсе в Мюнхене, будет представлять на нем советское вокальное искусство.

С. КРАЮХИН